

на тебя полные ожидания очисти...» (С. П. Шевырев, 29 июля 1846); «Я хочу виюне насладиться... полным торжеством вашим на всем пространстве Руси...» (К. С. Аксаков, 27 ав. 1849); «Я, как и вся Россия, вероятно, ожидаю с нетерпением новое творение вашего пера...» (А. М. Вьельгорская, 17 янв. 1850) и т. п. [8].

Двум голосам этого эпистолярного диалога точно соответствуют по смыслу и тону две части хвастливой фразы Фомы: «Я знаю Русь, и Русь меня знает».

В этой связи следует отметить, что еще при жизни Гоголя (и притом с неприкрытой отсылкой к Гоголю) эту фразу именно как гоголевскую, органично входящую в контекст гоголевских тем и мотивов, использовал Новый Поэт (псевдоним И. И. Панаева — см. [9]), опубликовавший в «Современнике» за 1847 г. (т. IV; № 12, «Смесь», с. 187) — вслед за резчайшей критикой «Выбранных мест...» в рецензии В. Г. Белинского («Современник». 1847. Т. 1. № 2) и в «Письмах к Гоголю» Н. Ф. Павлова («Современник». Т. 1. № 5, 8) — прозаически-стихотворную пародию на лирические отступления Гоголя, которая завершается следующей декларацией: «...скажу, отбросив всякое самолюбие, но с полным сознанием собственного достоинства, как сказал некогда о себе один русский писатель: „Я знаю Русь — и Русь меня знает“ [10].

Именно как гоголевская эта фраза нередко и понимается. Причем как гоголевская в обоих возможных значениях этого относительного прилагательного: как «принадлежащая Гоголю» и «написанная по-гоголевски, в духе и в стиле Гоголя».

Можно полагать, что именно это второе значение имел в виду В. И. Кулешов, когда в своей недавней книге о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского охарактеризовал (без ссылок и разъяснений) автопанегирик Фомы как «чисто гоголевскую фразу» [11].

Ключевое слово «чисто», по-видимому, исключает возможность другого понимания. Так же, как чисто пушкинская легкость стиха — это признак, который можно приписать любому поэту, пишущему по-пушкински, кроме самого Пушкина; как чисто рембрантовское освещение — это характеристика живописи кого угодно, но только не Рембрандта, — так чисто гоголевская фраза в устах Фомы Опискина — это, конечно, фраза в стиле Гоголя, но не фраза Гоголя.

Эту языковую тонкость, очевидно, не учел И. Золотусский, когда в своей резкой, во многом справедливой статье «Доколе?», обличающей литературоведческое невежество [12], безоговорочно вложил в слова В. И. Кулешова тот смысл, которого они скорее всего не имеют («принадлежащая Гоголю»), чтобы затем так же безоговорочно обличать его и в незнании гоголевских текстов, и в незнании того, кто является действительным автором этой сакраментальной фразы, а значит, и стоящего за ним обширного круга литературных фактов, а заодно и в незнании материалов полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского: «...эта фраза, ставшая крылатой, произнесена вовсе не Гоголем, а Н. Полевым в предисловии к его роману „Клятва при гробе Господнем“, о чем есть соответствующие примечания к повести „Село Степанчиково и его обитатели“ в полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского...» [12, с. 48].

На эти же примечания ссылается и А. П. Чудаков, автор комментария [3] к указанной выше статье Ю. Н. Тынянова [5], также характеризующий фразу Фомы как «слова Н. А. Полевого» [3, с. 489].

Авторы указанных А. П. Чудаковым и И. Золотусским примечаний к тексту «Села Степанчикова...» действительно утверждают, что слова «Я знаю Русь, и Русь меня знает» «принадлежат Н. А. Полевому» и, отмечая, что «формулу эту неоднократно цитировал в полемике с Полевым В. Г. Белинский», приводят соответствующий отрывок из подлинного текста Н. А. Полевого [1, с. 511].